

МИР
ГЛАЗАМИ
УБИЙЦЫ

«МЕНЯ ПРИВЛЕКАЛИ ИСПОРЧЕННЫЕ МАЛЬЧИКИ С ДУРНЫМИ НАКЛОННОСТЯМИ. К ТОМУ МОМЕНТУ Я УЖЕ СФОРМУЛИРОВАЛ ДЛЯ СЕБЯ КОНЦЕПЦИЮ, КОТОРАЯ ДАВАЛА МНЕ ОЩУЩЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ, КОТОРУЮ Я ВОССТАНАВЛИВАЛ СВОИМИ ДЕЙСТВИЯМИ. Я ИСКАЛ ТОЛЬКО ПОРОЧНЫХ, ТЕХ, КТО КУРИЛ, ПИЛ, ПРЕДЛАГАЛ ИМ ОГРАБИТЬ СКЛАД, И, ЕСЛИ ОНИ СОГЛАШАЛИСЬ, Я СЧИТАЛ СЕБЯ ВПРАВЕ ПРИЧИНИТЬ ИМ ДЕЙСТВИЯ САДИСТСКОГО ХАРАКТЕРА».

СЕРГЕЙ ГОЛОВКИН

«ОН БЫЛ ОБЫЧНЫМ, НИЧЕМ НЕ ВЫДЕЛЯЛСЯ, Я ДАЖЕ НЕ СРАЗУ ВСПОМНИЛ, ЧТО МЫ ВМЕСТЕ УЧИЛИСЬ С НИМ».

Одноклассник СЕРГЕЯ ГОЛОВКИНА

СЕРГЕЙ ГОЛОВКИН, СКРОМНЫЙ СОТРУДНИК МОСКОВСКОГО КОННОГО ЗАВОДА И ОДИН ИЗ САМЫХ ОПАСНЫХ СЕРИЙНЫХ УБИЙЦ РОССИИ, ЗА НЕСКОЛЬКО ЛЕТ СВОЕЙ «КАРЬЕРЫ» СТАЛ ЛЕГЕНДОЙ. ЕГО ИМЕНЕМ ПУГАЛИ ПОДРОСТКОВ, О НЕМ РАССКАЗЫВАЛИ ПО ВЕЧЕРАМ В ПИОНЕРСКИХ ЛАГЕРЯХ. ВОТ ТОЛЬКО НИКТО НЕ ЗНАЛ, ЧТО ЭТО ГОЛОВКИН. ЕГО НАЗЫВАЛИ «ФИШЕР», И ОН КАЗАЛСЯ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЧЕЛОВЕКОМ... КЕМ НА САМОМ ДЕЛЕ БЫЛ ПЕРСОНАЖ СТРАШИЛОК, РЕАЛЬНО ОБОРУДОВАВШИЙ В СВОЕМ ГАРАЖЕ ФИЛИАЛ ПЫТОЧНОГО АДА?

ЕЛИЗАВЕТА БУТА

МАНЬЯК ФИШЕР

ИСТОРИЯ ПОСЛЕДНЕГО

РАССТРЕЛЯННОГО В РОССИИ УБИЙЦЫ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б93

Разработка серии и дизайна переплета
Сергея Власова

Буга, Елизавета.
Б93 Маньяк Фишер : история последнего расстрелянного в России убийцы / Елизавета Буга. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Мир глазами убийцы).

ISBN 978-5-04-160822-4

В 1996 году в России провели последнюю смертную казнь. В Москве расстреляли убийцу 11 детей. Сергей Головкин, скромный сотрудник Московского конного завода и один из самых опасных серийных убийц России, за несколько лет своей «карьеры» стал легендой. Его именем пугали подростков, о нем рассказывали по вечерам в пионерских лагерях. Вот только никто не знал, что это Головкин. Его называли «Фишер», и он казался больше чем человеком... Как «дядя Сережа», которого уважали коллеги и обожали ученики из группы профподготовки, обыкновенный человек, превратился в садиста и убийцу? Почему приговор Фишеру привели в исполнение уже после вступления в силу моратория на смертную казнь? Как удавалось Фишеру много лет оставаться безнаказанным? Что Фишер творил с детьми, которые сидели от ужаса за полчаса до смерти? Об этом рассказывает известный криминальный психолог в документальном триллере, основанном на материалах допросов и интервью с убийцей.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160822-4

© Елизавета Буга, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	9
1. Ничего страшного	11
2. Как он это сделал?	23
3. На севере Москвы	33
4. Кольцо	42
5. Невидимка	50
6. Парк Дружбы	59
7. Выбор	66
8. Чужой	84
9. Прогулка	93
10. Не спотыкайся	108
11. Нужно. Идти. Дальше	125
12. В молчании	135
13. Катуар	144
14. Фишер	162
15. Работа с детьми	192
16. На дороге	204
17. Мусорный ветер	222

18. Лестница в ад	228
19. Делай, что говорят.	247
20. Горки-10	263
21. Нападение	274
22. Джекпот	281
23. Заговор молчания	295
24. Гараж	305
Эпилог	316

Покорность рождает насилие

ПРОЛОГ

Он брел, не разбирая дороги, не понимая, куда идет, но зная, что должен двигаться вперед. В голове осталась одна-единственная мысль: «Нужно. Идти. Дальше». Шаг за шагом. Рано или поздно любые пути куда-нибудь приводят. Главное — не спотыкаться.

— Я нашел его! — закричал один из подростков, заметив Андрея¹. Из разных частей леса послышались шорохи и треск ломающихся веток. Несколько нарядов милиции, отряд мальчишек-добровольцев и весь персонал пионерского лагеря ринулись на крик.

— Где? — выдавил из себя запыхавшийся пионервожатый, который последние часов двенадцать перебирал в уме подходящие способы суицида. Он не представлял, как жить дальше, ведь из-за его безалаберности пропал ребенок.

— Там, — испуганно произнес паренек, не отрывая взгляда от фигуры обнаженного, изуродованного товарища, который, словно слепой, машинально шел вперед.

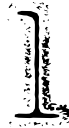
¹ Имена жертв, а также некоторых участников следственных действий были изменены из этических соображений.

— Не спотыкаться, не спотыкаться, — говорил Андрей. Вернее, думал, что говорил, — вместо слов из его горла вырывались только нечленораздельные хрипы.

Из леса стали появляться люди. Несколько патрульных, участковый с помощником, другие добровольцы... Все они застывали на опушке при виде Андрея, который силился идти дальше и дальше. Лицо и тело мальчика были покрыты кровоподтеками и ссадинами. Он был облеплен листьями, прутьями и комьями земли. Но страшнее всего выглядела шея, которую перерезала глубокая, зияющая красным странгуляционная борозда. Опомнившись от первого шока, Дорохов решительно шагнул к подростку, взял его за плечи и начал трясти:

— Имя! Кто это сделал?! Имя, парень! Ты его знаешь?!

— Не спотыкаться, не спотыкаться, не... — хрипел Андрей, но никто не мог разобрать его слов.

НИЧЕГО СТРАШНОГО

Конец 1950-х

Женщина может позволить себе все, что угодно, но она не имеет права быть некрасивой. Лариса понимала, что не блещет умом, да и внешность ее оставляла желать лучшего. По крайней мере, девушке так часто твердили о ее заурядности, что она успела смириться с этим знанием. Уставшая от одиночества, мать с ранних лет внушала Ларисе мысль о том, что самое главное — найти спутника жизни. В случае дочери женщина считала, что нужно сделать это как можно скорее. Молодость — хоть и дорогой, но скоропортящийся товар. «Оденься поярче, возьми помаду у соседки», — наставляла она девушку, когда та собиралась на танцы в дом культуры.

Природа наделила Ларису стройной фигурой, но и только. Жидкие, непослушные русые волосы мышинового оттенка казались обмасленными на макушке и завивались в несуразные сухие завитки возле плеч. Плохая от природы кожа в подростковом возрасте покрылась угрями, а к двадцати годам прыщи сменились веснушками и пятнами. Маленькие, глубоко посаженные глаза тоже не красили

девушку. Единственным достоинством оставалась юность, которую срочно нужно было продать, причем как можно дороже. Увидев в сельском клубе красивого и веселого студента из Москвы, она заявила:

— Выйду за него замуж.

Подруги тогда подняли ее на смех, а Лариса добила своего. Александр был дальней звездой, кем-то с другой планеты. Москва находилась всего в ста километрах от их совхоза, но это расстояние казалось недосягаемым. Ежегодно в их район присылали студентов «на картошку», поэтому мечтой каждой было влюбить в себя какого-нибудь москвича и заставить его жениться. Это считалось самым простым способом перебраться в столицу.

На дворе стояли 1950-е. Скромный, основательный и педантичный Александр к своим двадцати годам практически не имел опыта общения с противоположным полом. Внимание Ларисы польстило ему, и к концу своей вынужденной ссылки он уже позвал ее замуж. Конечно, девушка тут же согласилась.

Первым делом Лариса постаралась забыть о том, где родилась, сжечь все мосты, чтобы сестры или мать ненароком не вздумали приехать погостить к ней на неопределенный срок.

Им с Александром выделили комнату в общежитии. День и ночь в десятиметровой клетушке околачивались однокурсники молодого мужа. С ними этот тихоня удивительным образом перевоплощался в гостеприимного рубаху-парня. Лариса терпеть не могла шум, пьяных друзей и песни под гитару, которыми сопровождалась любые посиделки. Какое-то время девушка старалась поддерживать придуманный себе образ. Улы-

балась гостям и даже изображала любовь к походам и сплавам на байдарках. Но с течением времени ей все это надоело. Целью жизни стали беременность и квартира, которой было значительно проще добиться, имея ребенка. Как назло, зачать не удавалось довольно долго. Следовательно, и получение заветного жилья откладывалось. Через пару лет после свадьбы удача ей улыбнулась, и вскоре молодые переехали в новую квартиру на окраине столицы. Лишь спустя время поселок Новоаксинино стал называться Москвой. В конце же 1950-х этот жилой район еще только застраивался блочными пяти- и девятиэтажными домами, в которых выделяли квадратные метры сотрудникам близлежащих НИИ.

Беременность молодой женщины протекала тяжело. Гинеколог был сильно обеспокоен состоянием плода, а Лариса, в свою очередь, уже почти похоронила еще неродившегося малыша. К моменту рождения сына женщина успела проиграть в голове тысячу вариантов смерти первенца, смогла пережить это и смириться с бесплодием.

Сергей Головкин появился на свет 26 ноября 1959 года. Младенец запутался в пуповине и уже посинел от нехватки кислорода. Врачи сделали невозможное и все же добились первого крика. Но все понимали, что шансов выжить у младенца немного. Вдобавок ко всему у новорожденного обнаружился серьезный врожденный дефект: воронкообразная грудь. Сам по себе недостаток не самый страшный. У многих людей впалая грудь: у кого-то чуть больше, у кого-то меньше. Однако нередко эта врожденная физиологическая особенность сопровождается целым букетом проблем со здоровьем и очень часто — пороком сердца. Только

через неделю мальчика показали матери. До этого момента врачи не рисковали идти на столь важный шаг. У молодой женщины это первенец. Совсем не факт, что он выживет. Незачем ей видеть его живым. Одно дело — выкидыш или мертворождение, и совсем другое — смерть ребенка после родов.

Сегодня необходимости тесного контакта между младенцем и матерью сразу после родов придается исключительное значение. Однако в те годы это считалось большим преувеличением. Все должно было проходить согласно утвержденным стандартам и под медицинским контролем. В порядке исключения женщине давали подержать новорожденного, но, естественно, только в том случае,

Сергей Головкин появился на свет 26 ноября 1959 года. Младенец запутался в пуповине и уже посинел от нехватки кислорода.

если его жизни уже ничто не угрожало. Лишь много лет спустя в Штатах одиозный психолог Тимоти Лири и ряд его последователей докажут, что дети, которых в первые минуты жизни не передали матери, невротичны, склонны к депрес-

сии и часто имеют более низкий эмоциональный интеллект. Едва появившись на свет, ребенок оказывается во враждебном, доселе неизведанном мире. Когда мать прижимает к сердцу младенца, происходит импринтинг: малыш проникается безусловной любовью к самому близкому существу, способному его защитить. В обратную сторону это, кстати, не работает. Женщина не начинает любить своего ребенка, просто взяв его на руки. Это чувство пробуждается со временем и пропорционально прилагаемым усилиям.

Сереза выжил, но Лариса вернулась из род-дома с ощущением, что стала матерью инвалида. Она принялась ходить с ним по врачам, то и дело принося какой-то новый диагноз. Теперь уже ни о каких друзьях, ни о каком веселье в их доме не могло быть и речи. Больной малыш требовал неустанного внимания и абсолютной тишины. Новоиспеченному отцу было невыносимо каждый вечер заходить в этот дом скорби и молчания, где не допускались никакие громкие звуки. Смех и радость оказались под запретом, ведь ребенок болен. Мужчина не мог этого выносить и постепенно начал винить во всем сына.

Лариса никогда не любила мужа. Чувства являются обязательным строительным материалом для создания крепкой семьи. Они помогают примириться со всеми недостатками партнера. Если изначально этого цемента нет, то в конце концов остаются только раздражение и отвращение. По крайней мере, так произошло с молодой женщиной, которая постепенно начинала ненавидеть супруга. Уйти от него она не могла — не уезжать же в совхоз к матери с больным сыном на руках. Жить с мужем тоже оказалось невыносимо, и постепенно это чувство становилось все более взаимным.

Александр начал выпивать по вечерам. Теперь он делал это в одиночестве. Алкоголь превращал тихого педанта в агрессивного и жестокого тирана. Те поступки, которые он творил в состоянии опьянения, пугали иной раз даже его самого.

В сентябре 1962 года Серезу определили в детский сад. В первый день мать так тщательно собирала ребенка, что мальчик уверился в том, что ему предстоит сложное испытание. И вот его привели в большую комнату, где уже играли несколько детей.

В этот момент какая-то женщина буквально втащила в помещение упирающуюся, рыдающую девочку лет трех. Все дети тут же принялись с интересом наблюдать за происходящим. Мать девочки извинилась перед воспитательницей и постаралась успокоить ребенка. Крик, нараставший в недрах впалой Сережиной груди, в этот момент наконец вырвался наружу. Мальчик не боялся расстаться с матерью, но сейчас он вдруг понял, что его оставили один на один со всеми этими детьми. А вот это уже было

по-настоящему страшно!

Александр начал выпивать по вечерам. Теперь он делал это в одиночестве. Алкоголь превращал тихого педанта в агрессивного и жестокого тирана.

Сережа орал, рыдал, задыхался и катался по полу. Воспитательницы не раз видели подобные представления и прекрасно знали: главное — не обращать на такого ребенка внимания, чтобы не поощрять истерику.

В какой-то момент крик сменился рвотой, а на колготках мальчика расплылось мокрое пятно.

— А ну пойдём, поганец, — прошипела высокая пожилая воспитательница и схватила новичка за руку. Она притащила его в какую-то холодную темную комнату, заставленную кроватями.

— Будешь сидеть здесь, пока не успокоишься, сказала женщина и вышла за дверь.

Оказавшись один, Сережа быстро затих. Вечером, когда Лариса пришла за мальчиком, воспитательница битый час жаловалась ей на поведение сына. Под конец этого унижительного разговора она выдала матери перепачканные рвотой и мочой вещи.

Так случалось раз за разом еще очень долго, пока наконец Ларисе не удалось добиться перевода

сына в другой сад, считавшийся элитным. Теперь для того, чтобы добраться до места, нужно было проехать пять остановок на автобусе, но зато Сергей больше не катался в истерике по полу.

Александр считал, что сын просто издевается и манипулирует матерью, и старался воспитывать ребенка в строгости. За годы семейной жизни мужчина привык к пытке молчанием. Поначалу его выводила из себя тишина в квартире, но спустя несколько лет он примирился с тем, что единственный голос, который можно было услышать в их квартире, принадлежал диктору Кириллову.

Сереже было четыре года, когда Лариса в один из дней попросила мужа отвезти ребенка в сад. Александр отнекивался, сколько мог, но в итоге сдался. Молча взяв за руку мальчика, отец повел его к автобусной остановке. Тем морозным утром мужчина испытывал отвращение к целому миру, но в первую очередь к сыну, из-за которого пришлось в такую рань выйти из дома. Сережа же в семь утра пребывал в прекрасном расположении духа, и даже раздраженный отец не мог испортить ему настроение. Всю дорогу до сада он бродил по автобусу, садился то на одно пустующее место, то на другое, а потом и вовсе забрался на сиденье с ногами.

— Слезай, я сказал, — в очередной раз прикрикнул отец, но Сергей не обратил на это никакого внимания. На них уже начали неодобрительно поглядывать пожилые женщины, которым вечно куда-то нужно попасть ранним утром. — Значит, дальше сам доберешься, я из-за тебя позориться не собираюсь, — провозгласил мужчина, когда автобус затормозил на очередной остановке. Ребенок только в этот момент осекся и начал сползать с сиденья, но было уже поздно. Двери захлопну-

лись, и фигура отца начала стремительно удаляться. Мальчику стало нечем дышать, а его глаза наполнились слезами. Он бы бросился на пол в истерике, но перед кем было ее устраивать здесь? Кто бы его сейчас стал слушать?

В этот момент автобус остановился, и Сережа увидел в отдалении знакомое здание детского сада. Он беспомощно оглянулся в поисках человека, который поможет ему спуститься по высоким ступенькам, чтобы выйти из автобуса, но желающих прийти на помощь не оказалось. Пассажиры, которые укоризненно качали головой из-за того, что ребенок прыгает по салону, теперь сосредоточенно глядели в окно.

Мальчику удалось благополучно добраться до сада, но спустя какое-то время ситуация повторилась. Правда теперь, когда ребенок начал баловаться, отец вышел из автобуса, не произнеся ни слова. Сережа так и не понял, что произошло. К тому моменту он уже напрочь забыл о том, как в прошлый раз распалился и разозлил отца, который так и не объяснил, в чем было дело. Пытка молчанием и одиночеством стала излюбленным инструментом давления в их семье. Сереже приходилось догадываться, чего именно хотят от него родители. Всякий раз, когда сын появлялся в поле зрения, они тут же умолкали. Если мальчик делал что-то не то, мать с отцом переставали с ним разговаривать до тех пор, пока он не исправится. Сережа был не против сделать все правильно, но чаще всего он просто не понимал, чем именно вызвал гнев взрослых.

Когда человека перестает устраивать окружающая действительность, он ищет убежище в мире собственных фантазий. Невыносимыми являются две вещи: непредсказуемость и равнодушие. Все осталь-

ное можно пережить. Однако эти факторы не просто угрожают жизни, они ставят под сомнение саму возможность оставаться *личностью и продолжать существовать* дальше. Тебя не замечают, а от твоих поступков ничего не зависит. Есть ли ты на самом деле? Родители Сережи по незнанию и врожденной холодности оставили мальчика в вакууме эмоционального отчуждения, подбросив туда чувство стыда и собственной неполноценности. На людях Лариса демонстрировала материнскую любовь, оправдывая ожидания окружающих, но, оказавшись один на один с ребенком, переставала его замечать. Сын был для женщины своего рода дорогой вазой. Такую вещь можно поставить где-нибудь в углу, иногда стирать пыль и проверять, все ли с ней в порядке. Если вдруг понадобится, достаточно просто подойти и взять ее в том же месте, где оставил. У вазы не может быть чувств и мыслей, вазу не нужно обнимать и поощрять. В те годы считалось, что хвалить ребенка в принципе неправильно, так как он загордится и будет ставить себя выше других, захочет выделиться из коллектива.

В психологии такой тип людей, как Лариса, получил название «шизофреногенной матери». Шизофренией, вопреки первоначальной теории Фромм-Райхман¹, заболеть из-за этого невозможно, а вот расстройство личности по данному типу почти гарантировано. Такой комплекс осо-

¹ Фрида Фромм-Райхман (1889–1957) — немецкий и американский врач, психоаналитик и психотерапевт, пионер в аналитически ориентированной психотерапии психозов и представитель неопсихоанализа. Содействовала формированию неофрейдизма. Автор теории шизофреногенной матери. Первая супруга Эриха Фромма.

бенностей развития характеризуется отчужденностью, отгороженностью от мира, уплощением эмоциональной сферы. Проще говоря, человек оказывается перед выбором: реальность или собственные фантазии — пусть ужасные и пугающие, но предсказуемые, понятные и контролируемые. Если вдуматься, никакого выбора здесь нет: когда до человека никому из окружающих нет дела, он всегда предпочтет иллюзорный мир.

Обычно считают, что психопаты — это люди без жалости, совести и чувств. На самом деле их эмоции и чувства никуда не деваются. Они просто искажены. При разных типах психопатий нарушение аффекта выглядит по-разному, но в случае шизоидной психопатии оно происходит по так называемой формуле «дерево-стекло». Стоит отметить, что дихотомия «дерево-стекло» является общей почти для всех видов расстройств личности. Человек может спокойно воспринять новость о смерти близкого человека, оставаясь жестким, как дерево. Но если он, к примеру, потеряет любимого плюшевого мишку или кто-то без спроса прочтет его дневник, то это может привести даже к самоубийству. В такой ситуации тот, кто страдает шизоидной психопатией, оказывается хрупким, как стекло. Никакой логики. Может показаться, что невозможно предсказать, как он отреагирует на ту или иную ситуацию и какие эмоции продемонстрирует, но это не так. Представьте себе, что вы смотрите фильм, в котором умирает главный герой. Что вы почувствуете, узнав о гибели Джеймса Бонда? Наверное, расстроитесь. Особенно ранимые натуры даже всплакнут, но уже минут через пятнадцать выкинут грустные мысли из головы. Психопат может воспринять так смерть близкого: нечто важное, но происходящее на экране, ненастоящее.

Плюшевый мишка или дневник — вещи, играющие важную роль в тщательно выстроенном мире их фантазий. Они и есть настоящее. Это новость из главного для них мира.

Ну и что страшного? Недолюбили, недохвалили и недообнимали в детстве, потом все выправится. Верно? Достаточно сходить на пару тренингов личностного роста, попадать на чьи-нибудь руки в рамках упражнения на доверие, и все переменится. К сожалению, это так не работает. Выраженное расстройство личности, давшее о себе знать в детстве, затрагивает моторные нейроны. Мы с рождения учимся понимать других людей, распознавать их мимику и жесты, реагировать в соответствии с тем, *чего от нас ждут. На лице собеседника гнев — лучше уклониться от общения. Он улыбается — нужно улыбнуться в ответ. Идущий вам навстречу двинулся вправо — вы делаете шаг влево, чтобы не столкнуться. Мы считываем эти сигналы машинально, не обдумывая и не анализируя, потому что научились этому с детства.* Если же человек не видит каждый день лица близких, не слышит обращенную к нему речь, эмоциональные реакции окружающих могут означать и то и другое, а их

слова — вообще что-то третье. Моторные нейроны при этом тормозят и буксуют: понимать и видеть сигналы других людей оказывается невыполнимой задачей. Так рождаются неловкость и неуклюжесть,

непонимание намеков, подтекста, сарказма и еще тысяч других сложных структур, благодаря которым происходит полноценное общение. Конечно,

Обычно считают, что психопаты — это люди без жалости, совести и чувств. На самом деле их эмоции и чувства никуда не деваются. Они просто искажены.

можно всему научиться и все скомпенсировать — при должном уровне мотивации, самоотверженности и героизма, разумеется. Но зачем? Вспомните, как тот, кто не умеет плавать, ведет себя на пляже. Сидит на берегу и наблюдает. Возможно, он отважится подойти к воде и помочить ноги. Но не дай бог его окатит большой волной. Это будет фобия на всю жизнь. Человек отбежит на

Шестилетнего Сережу Голловкина в детском саду считали отстающим в развитии ребенком. Он неплохо справлялся с заданиями на интеллект, но совершенно не умел работать в команде, так и не завел друзей и часто болел.

сто метров. Найдутся и те, кто все же решится войти в воду и хотя бы попытается плыть по-собачьи. Вот только в воде сотни других людей, которые могут начать тонуть, *увлекая за собой оказавшихся рядом пловцов*. А вдруг начнется шторм и волна накроет с головой? Как поступит не умеющий плавать? Он поспешит на

берег в поисках места, с которого видно воду, но куда брызги не долетают, постарается не жить, но наблюдать. Именно так выглядит коммуникация для человека с этим видом психопатии. Сережа отчаянно желал быть принятым в обществе, найти друзей и даже врагов, обрести настоящую жизнь, но всякий раз, когда он пытался это сделать, его накрывало волной.

КАК ОН ЭТО СДЕЛАЛ?

1965 г., Москва

Шестилетнего Сережу Головкина в детском саду считали отстающим в развитии ребенком. Он неплохо справлялся с заданиями на интеллект, но совершенно не умел работать в команде, так и не завел друзей и часто болел. Более того, мальчик то и дело мочился в штаны, из-за чего в детском саду стали требовать давать ему с собой сменную одежду. Воспитательницы были уверены, что Сережа пока не готов к школе. Однако отец, похоже, вознамерился воспитать из сына сверхчеловека, а Лариса, маленькая, невзрачная женщина с отрешенным взглядом, кажется, совсем не интересовалась жизнью ребенка. Она всегда выслушивала все, что ей говорили о Сереже, тяжело вздыхала и начинала пересказывать медицинскую карту, в которой были представлены практически все известные заболевания детского возраста. Затем Лариса благодарила воспитателей и забирала ребенка домой. Впрочем, самым примечательным было то, что мальчик больше не радовался приходу родителей. Когда мать появлялась в дверях игровой ком-

наты с притворной улыбкой на губах, он с преувеличенным интересом продолжал собирать конструктор.

В тот вечер Лариса с сыном вернулись домой как раз в тот момент, когда отец семейства уже допил бутылку водки, приготовленную женой с утра, и благополучно храпел на продавленной тахте. Такое теперь случалось примерно раз в два-три месяца. Александр Головкин принадлежал к числу тихих алкоголиков, которые никому, кроме домочадцев, проблем не доставляют. Лариса выдохнула с облегчением, увидев мужа мирно спящим в комнате, и отправилась на кухню, чтобы накормить сына ужином. Как и всегда в таких случаях, она включила радио, и по кухне разлился мерно журчащий поток не вполне понятных ребенку слов. Женщина наполнила тарелки едой, а потом пошла в коридор, взяла позорный мешок с вещами из детсада, бросила укоризненный взгляд на сына и принялась за стирку. Сережа страшился этих материнских взглядов сильнее, чем любой физической расправы, но чем больше он их боялся, тем чаще Ларисе возвращали испачканные вещи.

Вечером мать постелила сыну вместо простыни клеенку. В детском саду тоже так делали, и это воспринималось как высшая форма унижения.

— Теперь всегда так спать будешь, надоело стирать белье по три раза в неделю, — с плохо скрываемым раздражением сообщила она.

Сергей залез под одеяло и уткнулся лицом в подушку. Клеенка неприятно шуршала под ним.

Часа в три ночи в малогабаритной квартире с ее картонными перегородками раздался жуткий грохот. Александр Головкин очнулся от алкоголь-

ного забытья и, преодолевая себя, пополз в уборную. Зайдя в ванную, он снес головой недавно постиранные детские вещи. Увидев слетевшие с веревки детские колготки и трусы, мужчина сразу понял, что случилось, и расшвырял. В следующую секунду он ворвался в детскую, сорвал с Сергея одеяло и зарычал:

— Я тебя научу, как нужно себя вести! Я тебя научу! Ты терпила или человек? Терпила или человек?! Отвечай!

Сергей с ужасом наблюдал за тем, как нависший над ним огромный монстр с внешностью отца стягивает с себя тренировочные штаны, чтобы научить его чему-то. Монстр ужасно пах, его лицо было искажено злобной гримасой. Озверевший отец принялся хлестать сына по щекам. Так он пытался привлечь внимание ребенка, но мальчика каждый из этих ударов буквально отправлял в нокаут.

— За слабость нужно отвечать! Я тебя научу, как приходится за слабость отвечать...

Сергей не заметил, когда случилась очередная «катастрофа», лишь ощутил, как клеенка под ним стала постепенно теплеть. Головкин-старший увидел расту-

щую лужу в центре кровати и скривился от отвращения. Это чувство оказалось столь сильным, что отрезвило его. Моментально навалилось тяжелое похмелье. Он бросил презрительный взгляд на сына, смачно плюнул на пол и вышел из комнаты. Лариса в тот раз так и не проснулась или не захотела признать себе в том, что не спит.

Монстр ужасно пах, его лицо было искажено злобной гримасой. Озверевший отец принялся хлестать сына по щекам.

В СССР вопрос детского энуреза относили к области возрастного развития, а иногда и вовсе предлагали изучать в рамках педагогики. Причины этой проблемы если и изучались, то только с точки зрения физиологии. В Штатах уже в те годы заметили определенную взаимосвязь между энурезом и социопатией, а в 1963-м была опубликована статья о так называемой триаде Макдональда. Согласно этой теории, энурез, зоосадизм и пиромания свидетельствуют о предрасположенности к совершению преступлений. Впрочем, причину и следствие потом поменяли местами. Энурез обычно возникает на базе чувства стыда и вины, это своего рода судорога психики. Ребенок так сильно боится опозориться, что мочится под себя регулярно, каждый раз получая все бóльшую травму. На этой почве рождается социопатия, которая предполагает повышенный риск совершения преступлений.

Спустя несколько дней все вновь вошло в обычную колею. Александр Головкин стал по утрам уходить на работу, а по вечерам слонялся по квартире, выискивая недочеты. Он мог часами наблюдать за тем, как жена прибирается по дому, а потом начал вдруг все переделывать, критикуя каждое ее действие. То же повторялось с готовкой, стиркой или подготовкой домашних заданий для группы детского сада. Александр никогда не повышал голоса, если был трезв. Он мог раз за разом методично повторять одно и то же, рассказывать, что Лариса неправильно закручивает банки с соленьями, не так вытирает пыль или готовит обед. Как именно нужно действовать, знал только он. Рано или поздно Лариса взрывалась, и остаток вечера превращался в пародию на скандал. Их ссоры никогда не переходили на повышенные тона, но супруги могли

часами перебрасываться едкими комментариями и оскорблениями, а потом замолкали на день или даже неделю. Сына женщина считала недостаточно взрослым собеседником, поэтому на такие периоды в квартире воцарялась почти абсолютная тишина, прерываемая лишь звуками радио или телевизора.

Вечером в субботу по первому каналу показывали документальные передачи про Великую Отечественную войну. Эти моменты Сережа любил больше всего. Александр никогда не пропускал такие программы. Он всегда заранее усаживался перед громоздким цветным телевизором, смотрел новостной выпуск, а затем погружался в рассказы ведущего о чудовищных пытках в концентрационных лагерях или о сложных тактических военных операциях. Лариса устраивалась в кресле и принималась за рукоделие, вышивая очередную картину. Сереже разрешалось сидеть на полу возле ног отца. В конце концов, что плохого в том, что ребенок с детства изучает историю?

Сережа не интересовался описаниями военных стратегий, но всегда заворожено слушал рассказы об истязаниях узников в лагерях смерти. На экране возникали искореженные болью, страхом и отчаянием лица. Он впитывал эмоции этих людей, жадно следил за ними. В повседневной жизни он не видел никаких проявлений чувств. Лариса всегда ходила со скорбной гримасой безразличия на лице, а отец — с презрительной ухмылкой. Ни громкий смех, ни слезы навзрыд у них в семье не были приняты. Что подумают соседи, в конце концов? Они же все-таки в приличном доме живут, по соседству профессора и директора заводов. Лишь иногда, в дни запоя, Александр преображался. В такие моменты Сергей наблюдал за искореженной злобой физиономией отца. Подобные гримасы он

замечал в фильмах про пытки в концлагерях. Эти эмоции Сереже были знакомы, он их распознавал и понимал. Со временем они начинали интересовать его все больше. Вскоре мальчик уже в любом фильме ждал сцен, где герои будут страдать, и очень расстраивался, если таких эпизодов не было.

МНЕ НРАВИЛИСЬ ФИЛЬМЫ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ, Я СМОТРЕЛ ПРО КОНЦЛАГЕРЯ МНОГО ПЕРЕДАЧ. ЕЩЕ С ДЕТСТВА. НАВЕРНОЕ, В ЭТОМ ПРИЧИНА. ЭТО СДЕЛАЛО МЕНЯ ТАКИМ, ХОТЯ ОТЕЦ СЧИТАЛ, ЧТО ЭТИ ПЕРЕДАЧИ ПОЛЕЗНЫЕ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ.

Из показаний Сергея Головкина

Через несколько месяцев Сережа должен был пойти в школу. Детский сад выдал ему нелестную характеристику, согласно которой ребенку вполне можно было бы поставить задержку в развитии. Однако каким-то чудом мальчику удалось успешно выполнить все задания вступительного собеседования, и вскоре его зачислили в первый класс общеобразовательной школы № 167. Она считалась одной из лучших не только в районе, но и во всей столице. Там учились дети профессоров Московского авиационного института, сотрудников разнообразных НИИ, а также партийных работников. Головкина взяли в эту школу по той простой причине, что он ходил в детский сад при ней. Директору потребовались бы весомые причины, чтобы отказать ребенку в поступлении. В тот год наблюдался недобор учеников, поэтому решили не искать черную кошку в темной комнате и записали Головкина в первый класс.

Оставалась одна большая проблема: энурез у него не только не прошел, но и усугубился.

Лет до трех ситуация казалась более или менее типичной, однако потом мальчик начал мочиться в постель с завидной регулярностью. В школе не принято прерываться на дневной сон, однако с определенного времени с Сергеем начали случаться «эксцессы» в самых разных ситуациях, причем далеко не всегда критических. Он легко мог обмочить штаны, если слышал поблизости громкий смех или крик, делал это в момент, когда на него обращали слишком много внимания. Чудом можно назвать тот факт, что он не описался во время вступительного собеседования.

На тестировании три незнакомые полные женщины бесконечно долго требовали от него то расставить картинки в правильном порядке, то сосчитать палочки, то прочитав по слогам стихотворение. Кроме того, за последней партой сидела мать. Она не выражала никаких эмоций, не пыталась ему помочь, подсказав правильный ответ, что нередко делали другие родительницы. Женщина просто наблюдала за тем, как справляется с заданиями ее сын. Сереже казалось, она буквально ждет его провала, а когда все закончилось, Лариса выглядела слишком разочарованной для матери будущего первоклассника элитной школы с математическим уклоном.

Придя домой, Сережа почти сразу уснул под аккомпанемент привычных унижительных разговоров о себе и под шелест клеенки.

— Удивительно, как он это сделал? Я была уверена, что ему не справиться ни с одним заданием. Знаешь, как он обычно впадает в ступор? Как бы теперь в классе не описался, а то ведь исключат, — вполголоса бубнила мать.

— Что за странная проблема? Он же знает, где туалет и как им пользоваться, — раздраженно возражал муж.

— Недержание мочи так называется, потому что моча не держится в организме.

— Нужно учить держать. Это все от недостатка спорта. Сидит весь день в четырех стенах, поэтому такой хилый и вырос. Закаляться нужно. Это ты чашки расставляла? Кто так делает? Говорил же, что они должны стоять ручками вперед...

— Наверное, — тихо и невпопад отвечала женщина, явно с трудом сдерживая раздражение.

В ту ночь Сережа спал безмятежным сном. Отец только недавно вышел из запоя. В первые пару недель после этого он неизменно испытывал чувство вины перед семьей и вел себя спокойнее обычного, изредка дарил подарки и преподносил жене цветы. Такие дни мальчик любил. Можно было выпросить несколько лишних минут перед телевизором, а иногда даже взять книгу из отцовской библиотеки. В основном там были скучные издания про пиратов или путешествия, без картинок и с большим количеством текста на странице. Сергей пока был не способен их прочитать, но все равно очень радовался, когда отец торжественно вручал ему одну из таких книг.

— Подъем! — Крик Головкина-старшего ворвался в самые недра сознания и буквально разорвал сон в клочья. Так обычно происходило, когда отец появлялся в детской в период запоя, но сейчас ведь не такое время...

Мужчина рывком стащил сына с кровати и приказал немедленно следовать в ванную. Сергей, ничего не понимая спросонья, подчинился. Отец зашел следом и потребовал от ребенка, чтобы тот

разделся и встал в ванну. В следующую секунду он открыл кран с холодной водой. Мальчик оцепенел от обжигающего холода. Александра реакция сына не удовлетворила, и поэтому он выкрутил кран до максимума.

Отныне этот ритуал повторялся почти ежедневно. Сергей возненавидел обливания, а вместе с этим стал ненавидеть просыпаться по утрам, а также саму школу, из-за которой ему теперь приходилось страдать.

ОТЕЦ ЗАСТАВЛЯЛ ОБЛИВАТЬСЯ ХОЛОДНОЙ ВОДОЙ В ВАННОЙ. ОЧЕНЬ НЕПРИЯТНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ. МАМА В КОНЦЕ КОНЦОВ ЗАПРЕТИЛА ЕМУ ЭТО ДЕЛАТЬ, НО Я С ТЕХ ПОР КАК-ТО НЕ ЛЮБЛЮ ВСЕ ВОДНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ, НЕ КУПАЮСЬ И ДАЖЕ ДУШ ПРИНИМАТЬ РАЗЛЮБИЛ. ВДРУГ ХОЛОДНАЯ ВОДА ПОЙДЕТ, ПОНИМАЕТЕ?

Из показаний СЕРГЕЯ ГОЛОВКИНА

Стыд и унижение стали главными связующими звеньями его отношений с людьми. Всякое общение грозило тем, что он может опозориться и это вызовет гнев и брезгливость. Эти чувства Сергей научился легко распознавать в людях и постепенно стал узнавать в себе. Радость, восхищение и восторг тоже существовали в окружающем мире, но они отходили на второй план. Впереди шли гнев и брезгливость. Плачущий капризный мальчик в грязных пеленках пробуждал в родительских сердцах лишь раздражение и неприязнь. Чуть позже он стал вызывать те же чувства из-за своего энуреза. Почему так происходило? Человеку жизненно необходимо осознавать, что он существует в глазах других людей, играть свою роль в семье или в любой другой группе. Страшнее всего быть

непринятым коллективом, осмеянным и исторгнутым из общества. Не зря вместо смертной казни в большинстве примитивных обществ практиковалось изгнание из племени. Такого наказания боялись больше смерти. Впрочем, есть кое-что похуже отверженности — не быть вовсе. Если тебя ругают, значит, замечают. Именно поэтому многие дети, не получив похвалы, начинают капризничать, рушить все вокруг, совершать неблагоприятные поступки, делать все возможное, чтобы заявить о себе. Сергей знал только гнев и брезгливость, но чтобы вызвать их, ему всякий раз нужно было сталкиваться со своим главным страхом. Головкин добивался внимания только посредством собственного унижения, и впоследствии, когда окружающие проявляли к нему интерес, он вспоминал об этом унижении. И все же пока он оставался человеком и не хотел становиться невидимкой.

НА СЕВЕРЕ МОСКВЫ

1965–1970 гг.

В начале 1960-х в Левобережном районе предпочитали не вспоминать о том, что еще недавно это место считалось глухой деревней. Один за другим здесь возводились белые блочные дома с абсолютно одинаковыми фасадами. Несколько магазинов, напоминавших сельпо, закрыли, и вместо них появились универсамы и универмаги. Открылось метро, построили кинотеатр «Нева», облагородили несколько стихийно образовавшихся парков, отреставрировали старинные усадьбы. В пятиэтажках обычно жили сотрудники близлежащих заводов и фабрик, а вот в новых, девятиэтажных домах давали квартиры научной интеллигенции, поэтому очень скоро район превратился в своего рода наукоград: интеллектуальный островок в черте города.

Сереза Головкин стал учеником школы № 167 имени маршала Говорова. Первого сентября 1967 года мальчик в новой школьной форме и с большим букетом гладиолусов в руках вошел в класс. Вслед за другими учениками он положил цветы на стол учительницы и выбрал место за партой. Последовал

классный час, а затем три первых урока. На переменах дети с шумом носились по классу и школьным коридорам, которые учительница называла «рекреациями». Сережа оставался сидеть на своем месте. Никто из знакомых по детскому саду к нему так и не подошел, а сам он боялся к кому-то приблизиться. К концу второго урока ему нестерпимо захотелось в туалет, но он боялся поднять руку и отпроситься. Собственно, такой вариант ему даже не приходил в голову. У него не было ни малейшего понятия, где в школе расположен туалет. Как же он туда пойдет? Покидать класс во время урока строго запрещено. Никто еще не осмеливался выйти посредине занятия. Сережа приготовился к позору, о котором без конца твердили родители. Ему представилось, как отец с утроенным энтузиазмом начнет обливать его ледяной водой, а мать теперь всегда будет смотреть тем взглядом бесконечного разочарования и усталости, которым она обычно одаривала его, когда он делал что-то не так. Еще утром он был полон решимости ни за что не допустить этого, но сейчас его решимость куда-то подевалась.

Учительница объясняла новую тему, когда Сережа украдкой засунул руку в карман форменных брюк и зажал свой пенис так, будто собрался его оторвать. Неожиданно стало легче. В такой позе он смог досидеть до перемены, а потом даже успел в туалет. Трагедии не произошло, но теперь мальчик был уверен, что все видели, чем он занимался. К концу учебного дня эта мысль стала постепенно сводить его с ума. Когда прозвенел звонок с последнего урока, Сергей пулей вылетел из класса и побежал домой. Он не учел одного: на следующий день ему нужно было снова идти в школу.

МНЕ СТАНОВИЛОСЬ ЛЕГЧЕ, КОГДА Я ДЕРЖАЛ ЕГО ПОД КОНТРОЛЕМ, НО НАЧИНАЛО КАЗАТЬСЯ, ЧТО ВСЕ ЭТО ВИДЯТ, ЧУВСТВУЮТ. СТРАШНО БЫЛО ПРЕДСТАВИТЬ, ЧТО ВЫЗОВУТ РОДИТЕЛЕЙ В ШКОЛУ С ОДЕЖДОЙ. ЭТОТ СПОСОБ ОБЛЕГЧАЛ МОЮ ЖИЗНЬ В ШКОЛЕ, И Я НЕ МОГ ОТ НЕГО ОТКАЗАТЬСЯ.

Из показаний Сергея Головкина

— Как дела в школе? — вполне добродушно поинтересовался отец, когда Сергей вернулся домой. — Успел опозориться или утерпел?

— Утерпел, — коротко ответил сын с гордостью и стыдом одновременно.

— А оценки какие получил? — тем же тоном, но безо всякого видимого интереса спросил Александр, перевернув страницу толстого журнала, лежавшего на кухонном столе.

— Нам не ставили оценки, — оторопел Сережа.

— Значит, двойка. Сейчас детей жалеют, поначалу двойки не ставят, чтобы не расстраивались.

— Нет, правда не ставили, — растерянно возразил мальчик.

— Покажи тетрадки, — потребовал отец, оторвавшись наконец от чтения.

Сережа принес из прихожей черный ранец первоклассника и водрузил его на стол. Отец наугад достал одну из тонких зеленых тетрадей и принялся ее листать. На первой же странице обнаружилась косая черта с точкой и несколько подчеркнутых букв.

— Я же говорил. — Александр удовлетворенно откинулся на спинку стула. Мужчина посмотрел на ребенка, который с искренним изумлением разглядывал исчерканные страницы и, казалось, даже не помнил, как все это писал и когда кто-то

успел что-то проверить. Отец презрительно скривился, схватил сына за шею и стал тыкать лицом в раскрытую тетрадь.

— Кто это сделал? Я тебя спрашиваю, кто это сделал?! — шипел он. — Двоек, говоришь, не получал? Да что ты еще, кроме двоек, можешь принести?

— Нет же...

— Что «нет же»?

— Оценки нет, — захныкал Сережа.

— Потому что тебя пожалели. Ты так жалок, что тебе даже оценки не ставят.

— Оценки нет, — бессмысленно повторял маль-

Получишь двойку — ты нам с матерью больше не сын. Посмотрим, сколько тебя там жалеть будут.

чик, понимая, что сейчас трагедия все-таки произойдет и на школьных брюках появится мокрое пятно.

Отец еще раз ткнул его лицом в тетрадку и отпустил, брезгливо глядя на

размазанные кляксы, появившиеся на бумаге, и на следы черточек и галочек на детском лице.

— Получишь двойку — ты нам с матерью больше не сын. Посмотрим, сколько тебя там жалеть будут, — процедил Головкин-старший, вновь открывая толстый журнал, посвященный достижениям науки и техники.

Сережа усвоил урок и ни разу не принес домой плохой оценки. Впрочем, он подозревал, что дело было в жалости учительницы, которая всегда как-то чересчур по-доброму относилась к нему, слишком участливо выспрашивала о том, как у него дела и приготовил ли он домашнее задание.

36 За Головкиным закрепилось место за третьей партой в центральном ряду. Никому не нравилось

здесь сидеть, так как учительница имела привычку именно возле нее рассказывать новую тему. Пересяживаться без разрешения учителя было нельзя — незачем приятелям сидеть рядом и без конца шушукаться на уроках. Иногда расшалившихся школьников разводили по разным частям класса, и тогда, случалось, у Сережи появлялся сосед по парте. Однако Головкин, все это время мечтавший о том, как будет сидеть рядом с кем-то, чувствовал панический страх, который сжимал горло, едва к нему кто-то подсаживался. Учительница сразу поняла, что мальчик плохо переносит повышенное внимание, поэтому старалась не вызывать его лишней раз к доске. Все письменные задания Сережа выполнял с легкостью, редко получая за них оценку ниже пятерки.

По утрам отец продолжал обливать его холодной водой, хотя это случалось уже не каждый день. Благополучно отсидев положенное количество уроков, Головкин вместе с большинством одноклассников бежал в музыкальную школу, чтобы постигать основы сольфеджио и вокала. Никаких особенных способностей к музыке у него не наблюдалось, но и хуже других он не был. Окончить музыкальную школу считалось своего рода хорошим тоном, признаком интеллигентности. Все ребята, конечно, жаждали освоить гитару, чтобы по вечерам во дворе блистать своими навыками. Но обычно их отправляли либо в класс пианино, либо в класс флейты. Особенно талантливые обучались игре на скрипке, а те, кого природа не наградила музыкальным слухом, — на гитаре, ударных или балалайке.

Очень скоро большинство мальчишек поняли, что посещать музыкальную школу вовсе не обя-

зательно, и стали пропускать занятия. Конечно, играть на гитаре хотелось всем, но часами сносить крики учителя по сольфеджио или терпеть удары линейкой по пальцам на занятиях по специальности было не очень весело. Гораздо интереснее провести время во дворе — гонять мяч или общаться с компанией, вечно торчащей возле гаражей.

Сережа посещал все занятия, поэтому, несмотря на весьма скромные способности, обычно имел неплохие оценки. Проблема заключалась в том, что перейти из класса в класс в музыкальной школе можно было только одним способом — выступив на показательном концерте-экзамене. Участие было обязательным для всех учеников. Школьники классом постарше исполняли более сложные произведения, а начинающие готовили простенькие музыкальные пьесы или народные песни. В конце первого года обучения Головкин должен был принять участие в таком концерте. Он знал свою незамысловатую пьесу досконально, несколько месяцев подряд репетировал и мог даже во сне исполнить ее безупречно, но в день концерта ему неожиданно стало плохо.

Сережа все же отправился на концерт. В школе все стояли на ушах. Девочки впервые пришли не в форменной одежде, а в бархатных платьях. Естественно, тут же начали отлетать ленточки и пуговицы. Кто-то убежал рыдать в туалет, кого-то учителя отправляли переодеваться из-за слишком яркого наряда или недостаточно торжественного вида (обычно это относилось к мальчикам, которые явились в школьной форме с ободранными локтями, засаленными и перепачканными в чернилах манжетами). В суматохе никто не замечал Головкина, который вплоть до своего выхода сидел

на приставном стуле в зрительном зале. По мере того как приближалась его очередь отправиться на сцену, он бледнел и зеленел, из-за чего у него под глазами все отчетливее проступали темные круги.

— Сергей Головкин. Первый класс. Флейта. Музыкальная пьеса... — произнесла учительница в темно-бордовом платье. Договорить она не успела. Сережа почувствовал подступившую к горлу тошноту, сорвался с места и выскочил из зала. Женщина запнулась, извинилась перед зрителями и начала объявлять следующего ученика. Мальчик опорожнил желудок в коридоре, заглянул украдкой в актальный зал, понял, что его имя просто пропустили, и направился к выходу. Он пока не знал, что скажет матери, но твердо решил ни при каких обстоятельствах не возвращаться в музыкальную школу.

Я НЕ ЛЮБИЛ ХОДИТЬ НА ЗАНЯТИЯ. СПОСОБНОСТЕЙ НЕ БЫЛО, А УЧИТЕЛЯ ТРЕБОВАЛИ ОЧЕНЬ МНОГО И, ЕСЛИ ТЫ НЕ ВЫПОЛНЯЛ, ОБЯЗАТЕЛЬНО БИЛИ ЛИНЕЙКОЙ ПО РУКАМ И ГУБАМ. СТАЛ ПРОГУЛИВАТЬ И ГУЛЯТЬ МНОГО, А ВСЕ ВОКРУГ КУРИЛИ, И Я ТОЖЕ ЗАХОТЕЛ ПОПРОБОВАТЬ. МНЕ ПОНРАВИЛОСЬ, ЭТО СТАЛО ПОМОГАТЬ В ОБЩЕНИИ, ДАВАЛО РАЗРЯДКУ.

Из показаний Сергея Головкина

Летом все одноклассники разъехались по пионерским лагерям и дачам, а Головкин остался в Москве и все каникулы бессмысленно слонялся по улицам Левобережного района. Однажды он вышел из дому раньше обычного. Стулья возле рядов зеленых гаражей пустовали. Обычно здесь заседали счастливые автовладельцы и их приятели. Здесь они чинили машины и бытовую технику,

обсуждали новости и, конечно, выпивали. Местные мальчишки обожали крутиться поблизости в надежде, что их примут в компанию взрослых. Иногда такое действительно случалось. Какой-нибудь добродушный дедок подзывал пацанов к себе, чтобы те подержали инструмент, пока он в очередной раз пытался реанимировать свой «ВАЗ-2101». Сережа подошел к пустующим стульям и стал с интересом разглядывать табуретку с привинченной к ней доской, которая использовалась в качестве стола. Тут же, возле одного из гаражей, громоздилась ломаная мебель и груда разного хлама. Повсюду валялись бычки от сигарет. Вероятно, вчера мужики засиделись допоздна, выпили лишнего и скурили пару пачек. Под ногами попадались как окурки дешевых папирос, так и недокуренные сигареты какой-то зарубежной марки. Мальчик принялся их собирать. Когда набралось штук двадцать, он направился за гаражи. Там, на небольшом островке, окруженном деревьями, в учебное время, прогуливая занятия, любили околачиваться школьники постарше; младшие курили свои первые сигареты и пробовали алкоголь. Сейчас это место пустовало. Сережа достал из кармана спички, купленные в соседнем универмаге, и попробовал зажечь сигарету. Первая затяжка заставила его закашляться, но он с упорством продолжал «тренироваться», представляя, как всех поразит, когда начнется учебный год. Никто из одноклассников еще не умел курить, все смеялись над приятелями, рискнувшими потянуть бычок и заходившимися в кашле. Если научиться курить по-взрослому, то есть шанс произвести фурор в классе. Все будут восхищенно смотреть на него, спрашивать закурить. Нужно только раздобыть денег на пачку сигарет...

Очень скоро Головкин всерьез пристрастился к табаку, сохранив эту привычку до конца жизни. Иногда казалось, что курить для него важнее, чем дышать, — так много сигарет уходило за день. В те годы этим увлекались абсолютно все. Сформировалась целая культура. Можно курить и общаться, тем самым чем-то себя занять. Если не знаешь, что делать, — затынись сигаретой. Никто не восхитился его летним достижением, но одноклассники, которые уже пристрастились к никотину, приняли Сергея за своего. Он стал частью коллектива. Тонкая, выходящая струйка табачного дыма, кажется, связала его с другими людьми.

4

КОЛЬЦО

1971 г., Москва

Когда Головкин учился в четвертом классе, родители вдруг стали часто запираться на кухне и что-то вполголоса обсуждать. По вечерам мальчик силился расслышать, о чем они беседуют, но до него долетали только обрывки фраз:

— ...Он может нас возненавидеть. Как, думаешь, он это воспримет? — говорила мать.

— Прекрати глупости болтать, — раздражался отец.

В какой-то момент Сереже надоело прислушиваться, и он засыпал, а на задворках сознания рождались страшные, тревожные образы. Память услужливо подбрасывала воспоминания о том, как отец обещал отдать его в детский дом или интернат. «Как он это воспримет?» — доносился испуганный голос матери.

Шли месяцы, и Сережа стал замечать, что мать полнеет. Взрослый человек сразу бы понял, что женщина беременна, но в их доме, равно как и в большинстве советских семей, не было принято говорить о деторождении. Если быть совсем точными, то у Головкиных никакие вопросы особо

не обсуждались, тем более с ребенком. Лариса никогда не разговаривала с сыном, только просила или приказывала. Сама мысль о том, что можно рассказать сказку или просто поболтать о пустяках, казалась чем-то нереальным. Ребенок — существо неразумное, общаться с ним как со взрослым — это все равно что толковать с собакой, надеясь получить ответ. Какие-то сложные или неудобные темы вообще не поднимались. Если вдруг у мальчика возникал неудобный вопрос, его обычно просто отправляли в детскую.

За несколько недель до предполагаемой даты родов гинеколог настоятельно порекомендовал Ларисе лечь на сохранение, так что Александр с сыном почти на целый месяц оставались предоставленными сами себе. Этот факт тревожил обоих.

В день рождения дочери Головкин-старший пригласил к себе друзей. Начавшись как пирушка по случаю пополнения в семействе, посиделки постепенно превратились в запой с короткими перерывами на работу. Сергей прилежно ходил в школу, а потом старался допоздна болтаться где-нибудь во дворах. По большому счету он надеялся, что Александр забудет о его существовании. Так, впрочем, и происходило — до тех пор, пока кто-то из собутыльников не напоминал отцу о мальчике, и тогда устраивались показательные проверки дневника с непременным тыканьем сына носом в исписанные листы.

Лариса вернулась с новорожденной девочкой, завернутой в розовый конверт. Дома ее встретил затравленный и давно не мывшийся Сергей в насквозь пропахшей сигаретами школьной форме. Женщина решила, что этот запах прицепился к нему из-за друзей мужа, которые курили

одну папиросу за другой, не выходя их кухни и не открывая окон. Однако чуть позже она стала находить у сына пустые пачки из-под сигарет в ранце и карманах куртки. Кто из мальчишек в десять лет тогда не баловался сигаретами? В этом возрасте не начинали курить в полную силу, обычно все ограничивалось бычками, собранными во дворе. Откуда у ребенка деньги на сигареты?

Несколько раз Лариса устраивала сыну выволочки за курение, но это никогда не давало должного результата. Сергей обещал бросить, уходил прогуляться и возвращался в пропахшей дешевыми папиросами одежде.

Женщине оставалось только смириться. В конце концов, не такой уж это страшный грех. Ларисе было чем заняться. Теперь у нее появилась долгожданная дочь, которой она намеревалась посвятить свою жизнь. В девочке она видела себя, наконец

Неизвестно, откуда у Ларисы появились такие мысли, но она была уверена, что сын попытается убить девочку. Сергея же больше волновали его собственная жизнь и личные проблемы.

действительно решив стать матерью. Когда роженице впервые принесли на кормление крошечную девочку, весившую три килограмма, ее глаза заблестели от слез. Лариса намеревалась воспитывать маленькую Наташу совсем не так, как растили ее саму в деревне. Ей вдруг

захотелось, чтобы дочь никогда не услышала ни от кого слов о том, что единственная цель в жизни девушки — это удачный брак. С сыном все обстояло иначе. В мальчике женщина неизменно видела мужа, которого никогда не любила. Он не стал желанным или, наоборот, случайным ребенком — его завели просто потому, что так было нужно и положено.

Сергея, казалось, вовсе не заметил появления маленькой Наташи. Несколько раз он подходил к матери, чтобы взглянуть на сестру, но в этот момент девочке требовалось поменять пеленки, а в присутствии мальчика Лариса не хотела этого делать. Она всякий раз старалась выпроводить сына из комнаты. После пары таких попыток Сергей понял: мать не желает, чтобы он лишний раз общался с малышкой, — и отныне старался обходить ее стороной.

Он не собирался ревновать сестру к родителям, не пытался задушить ее ночью или «случайно» уронить, когда вынимал из коляски после прогулки. Неизвестно, откуда у Ларисы появились такие мысли, но она была уверена, что сын попытается убить девочку. Сергея же больше волновали его собственная жизнь и личные проблемы. Он переживал из-за прыщей на лице, отсутствия друзей и хоть какого-то уважения одноклассников. О появлении сестры он думал в последнюю очередь. Это событие было из разряда тех, что видишь на киноэкране.

У НАС БЫЛИ ХОРОШИЕ ОТНОШЕНИЯ. ОНА СИЛЬНО МЛАДШЕ МЕНЯ, ПОЭТОМУ МЫ НИКОГДА ОСОБЕННО НЕ ОБЩАЛИСЬ, НО ОТНОШЕНИЯ ВСЕГДА БЫЛИ РОВНЫМИ И СПОКОЙНЫМИ. РОДИТЕЛИ НЕ ТРЕБОВАЛИ, ЧТОБЫ Я ПРОВОДИЛ С НЕЙ ВРЕМЯ, Я И НЕ ПРОВОДИЛ, НО, ЕСЛИ ЧТО-ТО БЫЛО НУЖНО, Я ДЕЛАЛ.

Из показаний Сергея Головкина

Лариса же была уверена, что с сыном вот-вот произойдет что-то ужасное, намного худшее, чем пара выкуренных папирос. И вскоре она дождалась. За пару недель до получки мужа женщина в очеред-

ной раз собралась заложить в ломбард любимое кольцо, чтобы продержаться до зарплаты, но не смогла его найти. Она битый час истерично металась по квартире, то и дело заглядывая в комнату сына. Сережа сидел за столом и прилежно выполнял домашнее задание по математике. Всякий раз врываясь в детскую, женщина замечала там какие-то новые вещи, о покупке которых не помнила. Фигурка лошади, новая книжка и прочие мелочи — на все это она никогда не дала бы сыну денег. В конце концов Лариса сопоставила одно с другим и поняла, кто взял украшение.

Словно фурия, она влетела в комнату, вцепилась в плечи сына и начала его трясти, обвиняя в краже и выкрикивая оскорбления.

— Мать обокрал?! Мать? Что мы теперь есть будем? На что ты потратил деньги? На что, я тебя спрашиваю?

Сын пытался защищаться и отрицал свою вину, но все было тщетно. Лариса, уставшая от забот о новорожденной дочери, от безденежья и раздражения на мужа, выплеснула весь накопившийся негатив на сына. Впервые в жизни. Сергей мог ожидать чего-то подобного от отца, но не от матери, не от матери, не от...

Мальчик старался прикрыть голову от ударов, поэтому Лариса не сразу заметила, что он бьется в конвульсиях и не реагирует на внешние раздражители. По инерции женщина отвесила сыну очередной подзатыльник, но, уже отводя руку, ужаснулась. По телу ребенка прокатывалась резкая дрожь, его взгляд застыл, а руки так и остались согнутыми над головой, будто в игре «Море волнуется раз», когда прозвучала команда «замри». Мать попыталась опустить скованные судорогой руки сына, но

те не сгибались. Казалось, все мышцы в теле мальчика решили разом напрячься и замереть навеки.

Спустя минут двадцать Сергея перестало колотить, но ступор так и не прошел. Он продолжал сидеть на стуле с поднятыми вверх и согнутыми в локтях руками, а его глаза казались чудовищно пустыми. Ларису саму парализовало от испуга. Она подумала было, что он притворяется, но прошло два часа, а мальчик так и не пошевелился. Женщина заглянула в остекленевшие глаза сына и вдруг отчетливо осознала, что он способен застыть так навсегда.

Несколько часов он пребывал в этом жутком состоянии, которое Эйген Блейлер и Эмиль Крепелин¹ назвали кататоническим ступором. Мать напала на сына столь внезапно, что его организм воспринял это как сигнал к немедленному действию и... активизировал абсолютно все мышцы. Каждую клетку тела свела судорога, а мозг предпочел скрыть от мальчика реальность, которую счел слишком страшной для восприятия. Сознание ребенка оказалось в ловушке собственных мыслей. На несколько часов он остался один на один со своими страхами, не имея ни малейшего шанса выбраться из этого капкана, раз за разом переживая самые мрачные кошмары. Моментально в мозгу Сергея материализовались все потаенные фантазии, причем каждая следующая оказывалась ужаснее предыдущей.

¹ Эйген Блейлер (1857–1939) – швейцарский психиатр, прославившийся своим вкладом в понимание психических заболеваний и предложивший термин «шизофрения». Эмиль Крепелин (1856–1926) – немецкий психиатр, который классифицировал психические заболевания и внес огромный вклад в изучение шизофрении, деменции, паранойи и истерии.

Вы бы хотели очутиться в комнате, где мгновенно исполняются желания? При одном только условии: реализуются любые ваши желания. Притом все. Вам никогда не приходилось в порыве злости пожелать смерти своим близким? Ни разу? А чтобы квартира сгорела дотла? Или чтобы ваши дети никогда не рождались? В бессмертном произведении Стругацких такая комната превращалась в самую страшную пыточную камеру. Похожее изображение ада Оруэлл приводит в своем романе «1984», описывая комнату 101. Нет большего проклятия, чем остаться один на один с самим собой, в ловушке из собственных фантазий, переплетенных со страхами.

В классическом варианте кататонический ступор может длиться вплоть до нескольких дней. Больной способен замереть где угодно и в самой неудобной позе. Даже очень сильный человек вряд ли

Нет большего проклятия, чем остаться один на один с самим собой, в ловушке из собственных фантазий, переплетенных со страхами.

сможет изменить позу *впавшего в оцепенение* — опустить поднятые руки или ноги. Несчастному скорее сломают его кости, чем разогнут мышцы. Если же замершего уложить на кровать, то он будет лежать в той позе,

в какой стоял, то есть его голова останется на весу, в нескольких сантиметрах от матраса, — так называемый синдром воздушной подушки. Если *здоровый* человек попробует проделать этот трюк, то уже через пару минут у него начнет болеть шея. По некоторым данным, это состояние может возникать при эпилепсии и черепно-мозговых травмах, но самыми вероятными причинами ступора являются шизофрения и шизоидное (шизотипическое) расстройство личности.